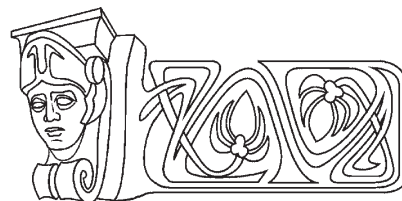

УДК [316.74:2+315.74:37] (470+57)

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Е. Г. Сабаев

Саратовский государственный университет

E-mail: Bratevgeny@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые христианские общецерковные традиции Русской православной церкви, влияющие на становление гражданского общества в России.

Ключевые слова: Церковь, Истина, христианство, православие, гражданское общество.

Role of Russian Orthodox Church in Civil Society Establishment in Russia

E. G. Sabaev

The paper considers some Christian common-church traditions of the Russian Orthodox Church influencing the civil society development in Russia.

Key words: Church, Truth, Christianity, Orthodoxy, civil society.

Особое значение в период модернизации современной России приобретает проблема формирования мировоззренческого национального сознания и православной культуры российских граждан. Это важно как с точки зрения духовно-нравственной социализации личности в условиях современного государства, так и в широком социальном контексте перехода людей к полноценному участию в функционировании гражданского общества.

В настоящее время в условиях глубокого интереса в России к религии вообще и к православию в частности Церковь получила возможность внести свой вклад в дело становления российского гражданского общества, хотя идея ее участия в демократических процессах в России не нова. Еще С. Н. Булгаков говорил о том, что демократические трансформации должны быть в согласии с православными ценностями: «Если грядущая Россия, ее же ищем, станет строиться без имени Христова, если демократия российская окажется в духовном разрыве со святою Русью, то какую же цену она имеет, кому она нужна»¹. И сегодня Церковь утверждает, что истинная свобода человеческой личности как основная категория гражданского общества может реализоваться лишь в духовной сфере. Такое отношение Русской православной церкви к проблеме становления гражданского общества подтверждается высказываниями патриарха Кирилла: «Демократия – это система, гарантирующая различные интересы в обществе,

которые часто сталкиваются. Для успешного построения общества сбалансированных интересов очень важно сегодня строить институты гражданского общества»².

Здесь логично предположить, что духовно-нравственные ценности и основные понятия гражданского общества должны иметь свой эквивалент в православном учении, так как Церковь претендует на место активного участника в процессе его становления. Церковь готова сотрудничать с государством и стать добросовестным партнером негосударственным общественным организациям и тем самым оказывать помощь зарождающему российскому гражданскому обществу в становлении как социально-политической силы. И реальная помощь Церкви видится в ее взаимодействии с институтами гражданского общества в том виде, в котором они существуют в нашей стране сегодня, и в социальной деятельности духовно-нравственного воспитания общества в различных сферах жизни государства. Это сотрудничество государства и религии должно основываться на Конституции, Законе о религиозных организациях и отдельных правовых актах. Однако К. Н. Костюк подмечает: «Современная теология не имеет собственной развернутой концепции общества, демократических ценностей и правовой идеологии гражданского общества. Сегодня перед Православной церковью стоит еще одна задача: осмыслить и разработать понятие гражданского общества, тем более что в православии есть учение о государстве, но не существует социального учения, учения об обществе. Для церкви не существовало общества в его собственном смысле. Общество отождествлялось с “государственным сообществом”, индивид понимается лишь как подданный, а не как гражданин»³.

Но сегодня Россия переживает кризис во всех сферах, и если сравнить его с самым началом христианской эры, то история христианства в этом отношении покажется в несоизмеримо худших и невыгодных условиях. Богочеловек Иисус Христос явился в мир, когда человечество погибало во грехе, пороках, беззаконии и полном неведении смысла человеческого бытия и человеческой истории. Рабство и перманентные войны – вот социальная реальность того времени. Слово

Истины оказалось абсолютно одиноким перед тьмой заблудшего мира. Но с явлением в мир Богочеловека началось преобразование мира. Слово Истины, проникая в человеческие сердца как благая весть, стало распространяться на земле. Тогда в теле Церкви как изначально отделенном от мира духовно-социальном сообществе данное совершенство находило свою реализацию в формах христианских общин и в индивидуальной святости, являющейся неумолимым свидетельством реального присутствия истины христианства в жизни Церкви. Сам же внешний социально-общественный мир по-прежнему пребывал во грехе как своем изначально первородном качестве.

В христианской истории противоречие между Церковью и миром разрешилось к началу XIX в. атеистическим распадом христианского мира. Мир, отделившись от Церкви, пошел своим путем в сторону атеизма, материализма, нигилизма, капитализма и политики, а христианская Церковь, утратив сакральную связь с обществом, окончательно сместилась в область символизма. Но Р. Дарендорф замечает: «...наибольшие жизненные шансы для наибольшего числа людей, вероятно, лучше всего реализуются в периоды “нормальной” политики, иными словами, когда политика не значит так уж много в жизни людей. Когда они могут заниматься своими делами, не оглядываясь на власти. Тогда преуспевают экономика и расцветает гражданское общество. Благосостояние выходит далеко за пределы чисто материального благополучия»⁴. «Но даже если демократия и рыночная экономика будут установлены, этого все же будет недостаточно. Чтобы быть прочной, свобода нуждается в третьей опоре: имя ей – гражданское общество. Вся суть открытого общества в том, что жизнь человека не ограничивается рамками государственной власти. Даже сфера публичной жизни не должна быть преимущественно политической, не говоря уж об экономике»⁵.

Сравнивая исходные позиции христианства на заре христианской эры и сегодняшние исторические условия, мы видим, что современный мир во всей полноте сохраняет фундаментальные христианские интенции, ставшие неотъемлемым смыслом общечеловеческого бытия. В мире по-прежнему нерушимо стоит истина православия, утвержденная от основания самим Богом: «... созижду церковь Мою и врата адава не одолеют ее» [Мф.16.18]. Обладая огромными сокровищами христианской истины, собранными, как нектар, бесчисленными подвижниками, преподобными и святыми за долгие века ее двухтысячелетней истории, Церковь при всем ее внешнем символизме по-прежнему во всей полноте олицетворяет непреходящую реальность Богочеловеческого Откровения как путь и истину, и жизнь. По-прежнему присутствует в отвернувшемся от правды мире его живая и чистая христианская совесть.

Более тысячи лет человеческая культура уже необратимо оформилась как православная культура, и никакой символизм не способен отменить этого фундаментального факта. Пустота современного массового сознания сама по себе никак не может отменить онтологической глубины христианского осмысления мира в области философии, искусства, науки, этики и т. д. Это то нетленное и неотчуждаемое достояние православного мировоззрения, которое человечество обрело на пути своего христианского становления и самопознания. Для новой христианской цивилизации характерно то, что она уже не только на уровне символизма декларирует христианскую истину, но и воплощает ее непосредственно в формы общественного бытия, образуя единую духовно-социальную реальность. Именно здесь, как с чистого листа, может начаться новая христианская история, полноценная по своим цивилизованным христианским качествам. «Гражданское общество – это общество граждан, имеющих права и принимающих на себя обязательства, ведущих себя по отношению друг к другу цивилизованно. Это общество, обеспечивающее своим членам чувство принадлежности и защищающее конституцию свободы»⁶.

Начиная с периода правления Константина Великого христианство стало реальным субъектом истории, неизменно присутствуя в ней в качестве активного идеологического участника. При всем несовершенстве и принципиальной греховности реальной христианской истории тем не менее нельзя отрицать определенной преображенности христианского мира не в плане его какой-либо святости или цивилизованности, а в плане очеловечения и гуманизации общественного бытия. К началу XXI в. мир фактически подошел к новому качеству социальных отношений, закрепленных в различных формах и реалиях общественной жизни, главным образом в опыте демократии. «Сам переживающий и осмысливающий в ходе столетий и укоренившийся в культуре принцип религиозного обращения человека к Богу, к природе, к другому человеку несводим к какому-либо источнику или фактору. Так как прежде всего в религиозной сфере человеческая психология и культура акцентирует ту становящуюся выше повседневных интересов и задач потребность в самопожертвовании и благоговейной самоотдаче, которая не акцентирована с такой силой ни в одной из сфер»⁷.

Это говорит о том, что нынешнее состояние мира внутренне предполагает возможность нового явления христианской истории в ее более зрелой форме. Уже не в виде отстраненного от мира символического христианства, а в форме непосредственного проникновения христианской истины во все сферы человеческого бытия, как раскрытие ее преображающей силы не только на личном, но и общественно-социальном уровне – во всей боговдохновенной истории

ческой полноте евангельского откровения. Но подобное преобразование христианского мира не может произойти вдруг, ибо оно не может произойти внешним образом, как очередное провозглашение символического христианства в его каком-то уже новом тоталитарном качестве, а возможно лишь как внутреннее преобразование мира через христианское преобразование человека. Другого пути к Царствию Божию не существует. Как писал Н. Бердяев, «есть один только путь к Царствию Божию, к истинной теократии, это реальное его осуществление, т. е. подлинное достижение высшей духовной жизни, просветление и преобразование человека и мира. Вне реального достижения высшей духовной жизни, т. е. вне перерождения, вне нового духовного рождения никакое совершенное общество и совершенная культура недостижимы»⁸.

Выход к новой христианской истории неизбежно связан с качественным преобразованием общества, с христианским одухотворением самой системы социальных связей, возможным относительным социальным совершенством, реализуемым в отдельно взятом социальном целом, – семье, общине. Дарендорф подчеркивает: «Гражданское общество, основанное на всеобщем характере прав человека, дает наилучшую возможность всесторонней реализации – не только в качестве представителей нации, но и в качестве членов семьи, общины, региона, церкви, профессии, политической партии, страны, национальных объединений»⁹. Вузы, общеобразовательные школы как центры знания в современном обществе должны стать проводниками идей и ценностей гражданского общества: духовности, нравственности, свободы, честности, взаимной заботы, справедливости, культурного разнообразия и т. д.

Откровение христианства имеет в себе духовно-нравственный потенциал, и гарантированная свобода гражданского общества способна его вместить. Здесь врата иной цивилизации, способной раскрыть древнее откровение христианства в принципиально новых исторических масштабах. И здесь Русская православная церковь предлагает свой подход, который был укоренен в общецерковной традиции, где присутствуют и знания о Боге, и благодатная жизнь, и братские отношения с другими людьми, а также стратегия адаптации, обособление в социуме и взаимосвязь с властью государства. Хотя Цыпин говорит: «Церковь и государство имеют свои отдельные сферы действия, свои особые средства и в принципе независимы друг от друга. Независимость эта, однако, не носит абсолютного характера. Государство, сознающее пределы своей компетенции, не претендует на то, чтобы высказывать суждение о вероучительных предметах или богослужении; равным образом не дело Церкви судить о формах государственного устройства и

мероприятиях правительства с точки зрения их политической целесообразности. Есть, однако, области, которые не могут быть безразличными как для Церкви, так и для государства. Позиция Церкви по отношению к коллизиям, которые могут возникнуть в этих сферах, не может быть одинаковой. Церковь преподает людям нравственные заповеди, исходящие от самого Бога, поэтому она не властна изменить чего-либо в своем учении. В этом отношении Церковь внутренне совершенно свободна от государства»¹⁰.

Смысл и цель всякого процесса, протяженного во времени, раскрываются лишь в его конце, когда развитие его приносит свой созревший во времени «плод». Так и полное раскрытие христианства, его глобально-мировоззренческого смысла возможно лишь в конце истории. Нынешний кризис нужно понимать как вызов истории, и он, без сомнения, должен быть принят христианством, ибо в нем есть смысл перехода христианской истории с духовно-нравственным усилием христианского духа по преобразению мира и человека, по незримо и упорному возвращению той христианской жатвы, растущей вместе с «плевелами» греховной человеческой истории, которую Сеятель соберет в свое время в житницу «будущего века». Отделение «зерен от плевел» и будет составлять существо заключительной стадии истории российского общества. Именно единство Церкви и православного народа, начала и конца, сеяния и жатвы подразумевает необходимость «христианской истории» как целостного процесса созревания христианской истины в лоне истории в качестве возможной воплощенной реальности.

Примечания

- ¹ Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии : в 2 т. М., 1999. С. 292.
- ² Патриарх Кирилл. Выступление 12.05.2010. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 12.05.2010).
- ³ Костюк К. Н. Русская православная церковь в гражданском обществе // Социально-политический журнал. 1998. № 2. С. 135.
- ⁴ Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 109.
- ⁵ Там же. С. 67.
- ⁶ Там же. С. 90.
- ⁷ Зиммель Г. Религия: Социально-политический этюд. М., 1909. С. 56.
- ⁸ Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия // Смысл творчества. М., 2002. С. 623.
- ⁹ Дарендорф Р. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁰ Цыпин В., протоирей. Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность. М., 1995. С. 34.